

НОРБЕРТ КРАСОВСКИЙ

18+

КЛЮЖЕСТВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

АРДЖУНА

Норберт Красовский

Арджуна

«Издательские решения»

Красовский Н.

Арджуна / Н. Красовский — «Издательские решения»,

Книга «Арджуна» основывается на священном тексте «Махабхараты», и описывает события, происходившие более пяти тысяч лет назад, на рубеже гибели древней цивилизации. В центре повествования — потомственный воин и величайший лучник того времени Арджуна. Через поток сознания героя раскрывается эпоха, где воинский долг сталкивается с личной трагедией, а сомнения воина становятся главным испытанием для всего мира.

© Красовский Н.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I	7
Глава I. ЛЕС	7
Глава II. ЗВУК	12
Глава III. ПЫЛЬ	18
Глава IV. КРОВЬ	23
Глава V. ЛАК	28
Глава VI. ЗОЛА	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Арджуна

Норберт Красовский

Благодарности:

Норберт Красовский

© Норберт Красовский, 2026

ISBN 978-5-0071-4080-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Книга «Арджуна» основывается на священном тексте «Махабхараты», составленном Ведавьасой Двайпаяной Риши, и описывает события, происходившие более пяти тысяч лет назад (около XXXI века до н. э.) — на рубеже Двапара- и Кали-юги. Это время, когда древняя цивилизация достигла вершины своего могущества и вплотную подошла к роковому излому: законы чести дали трещину, и великие династии сошлись в неизбежном противостоянии. Кульминацией этого столкновения стала битва на Курукшетре — грандиозная война, не имевшая равных в истории человечества. Всего за 18 дней битвы, в которой сошлись 18 армий-акшаухини (около 4 миллионов воинов) и применялось оружие невиданной силы, приводимое в действие тонкой энергией мысли и звука, цивилизация оказалась на грани полного уничтожения.

В центре этого противостояния — потомственный воин Арджуна, третий из братьев-Пандавов и любимый ученик Дронаचारьи. Он не просто величайший воин и лучник своего времени, а человек, оказавшийся в самой точке излома — там, где воинский долг сталкивается с болью неминуемого раскола. Сопереживая его пути, мы чувствуем, как разворачивается трагедия рушащегося мира, а личные сомнения воина становятся главным испытанием всей эпохи.

Чтобы передать объём событий и психологическую глубину, повествование ведётся в жанре художественной биографии через поток сознания героя. Текст состоит из четырёх частей и восемнадцати глав. Некоторые сюжетные линии и локации объединены и дополнены диалогами. Сцены боёв переданы без сглаживания воинского реализма. Санскритские понятия адаптированы для современного восприятия с сохранением смысловой точности. Читатель всячески поощряется в своём стремлении изучать классические священные тексты — «Махабхарату» и «Бхагавад-гиту как она есть».

Склоняясь перед стопами Учителей, перед памятью Предков и перед читателем, я прошу лишь об одном: принять этот труд не как истину в последней инстанции, а как искреннее подношение памяти величайшего лучника Бхараты.

**kālo 'smi loka-kṣaya-kṛt pravṛddho
lokān samāhartum iha pravṛttaḥ |
ṛte 'pi tvāṁ na bhaviṣyanti sarve
ye 'vasthitāḥ praty-anīkeṣu yodhāḥ ||**

«Я — Время, великий разрушитель миров, пришедший сюда, чтобы уничтожить всё. Даже без твоего участия ни один из этих воинов не избежит гибели.» — Бхагавад-гита, 11.32

ЧАСТЬ I

Глава I. ЛЕС

Дерево лука вырастает в ладонь, становясь продолжением костей; шершавое и тёплое, оно пахнет старой смолой и пылью тренировочной площадки.

— Юдхистхира, выйди вперёд, — голос Учителя сух, как треск ломающейся ветви.

Старший брат подходит к рубежу и натягивает лук; в каждом его движении нет ни тени сомнения, лишь непоколебимая праведность.

— Видишь ли ты ту птицу на вершине дерева, меня и своих братьев?

— Вижу.

— Опиши мне, что ты видишь.

— Я вижу деревянную птицу, и Вас, Учитель, и братьев, и каждую ветку.

— Отойди в сторону. Ты не сможешь поразить эту цель — ты уже проиграл ей, впустив в свой разум весь лес.

Гул позора Юдхистхиры отдаётся в висках тяжёлым ритмом; если даже безупречный брат не прошёл сквозь этот фильтр, то чего стою я со своим вечным внутренним шумом?

— Дурьодхана. Твой черёд.

Лидер Кауравов выходит вперёд, в нём нет смирения Юдхистхиры; в каждом его шаге — тяжесть человека, привыкшего брать своё. Он вскидывает лук, и мышцы на его руках перекатываются, как тугие канаты.

— Видишь ли ты ту птицу на вершине дерева, меня и своих братьев?

— Вижу, Учитель.

— Опиши мне, что ты видишь.

— Я вижу Вас, вижу своих братьев, что стоят за моей спиной. И вижу птицу, которую сейчас собью.

— Отойди. Ты не сможешь поразить эту цель.

Дурьодхана замирает на мгновение, его лицо темнеет от сдерживаемой ярости, но... в этот миг всё куда-то отдаляется... шум ашрама как будто погружается в тёмные воды и тонет в рокоте гигантских кедров... Откуда эти воспоминания? Рокот проникает под кожу, словно возвращая меня в некогда забытые места... Небо касается горных вершин... Чувствую их ледя-

ное дыхание... И встречное тепло раскрытых ладоней... Треск костра рядом с дорогой... Руки Матери, пахнущие диким мёдом... Она смотрит на меня, маленького, потерянного среди бесконечных стволов, и в её взгляде нет требовательности — только нежность. Эта чистота вымывает из сознания пыль ашрама, оставляя звенящую, острую прозрачность.

— Бхима. Что ты видишь перед собой?

Бхима тяжело дышит, сжимая лук так, будто это палица. В его позе — готовность сокрушать, но не созерцать.

— Я вижу дерево, Учитель. Его мощный ствол и густые ветви, что закрывают небо.

— Видишь ли ты что-нибудь ещё?

— Вижу птицу на самой вершине, — Бхима подаётся вперёд, напрягая мощные плечи, — Вижу её пёстрое оперение и даже плоды, которые она клюёт... Вижу братьев, ждущих своей очереди.

— Отойди. Ты не сможешь поразить эту цель, — разочарование Учителя оседает в воздухе тяжёлой пылью.

Один за другим мои братья разбиваются о невидимую стену, которую воздвиг Учитель. Они видят форму, они видят детали, они видят даже самих себя в этом лесу, но Дрона ищет не лучника. Он ищет саму стрелу, у которой нет памяти, нет братьев и нет страха перед промахом. Его фигура замирает рядом, и я ощущаю исходящий от него жар битв, которые он прошёл, и обжигающий холод дисциплины. В его молчании — требование быть совершенным или исчезнуть.

— Видишь ли ты ту птицу на вершине, меня и своих братьев, Арджуна?

— Нет.

— Видишь ли ты дерево, на котором она сидит?

— Нет.

— Видишь ли ты туловище птицы?

— Нет.

— Что же ты видишь?

— Глаз птицы.

Мир исчез. Исчезло дерево, исчезла сама птица как форма. Осталась только деревянная точка, в которую должна вернуться моя душа.

— Стреляй! — ликующий крик Учителя раскалывает тишину, как гром раскалывает небо над Гималаями.

Пальцы разжимаются. В этот миг я — не сын, не ученик и даже не человек; я превращаюсь в само остриё стрелы в миллиметре от чистой энергии намерения. Короткий щелчок. Свист. Глухой удар дерева о землю — и пустота... Опускаю лук, в пальцах возвращается привычная, ноющая боль, а мир вокруг — обретает свои плотные, хаотичные очертания... Учитель подходит ближе и кладёт руку мне на плечо, его глаза горят гордостью...

— Только ты, — негромко произносит он.

В его словах я слышу приговор; я обречён видеть только цель, проходя мимо всего остального.

— Арджуна! Твой выстрел обогнал мой взгляд! Я даже моргнуть не успел! Ты здесь вообще? — голос Бхимы гремит над самым ухом, а его тяжёлая ладонь сразмаху обрушивается мне на спину, вырывая из оцепенения.

— Здесь.

Юдхиштхира кладёт руку мне на лопатку — его ладонь тёплая, спокойная, как сама земля. Но мой взгляд невольно уходит в сторону Кауравов — Дурьодхана стоит неподвижно, и от него веет холодом открытой могилы, он смотрит на меня не как на брата, а как на препятствие, которое нужно выкорчевать.

— Пойдём, Арджуна, — тихо говорит Юдхиштхира, — Учитель доволен, сегодня ты превзошёл всех.

Я киваю, но пустота не уходит. Как будто я выстрелил в небо, а оно не ответило.

Идём в лагерь на доносящийся запах дыма. По дороге Бхима, захваченный азартом сегодняшней победы, что-то громко и восторженно рассказывает, смеётся... Но мой слух сейчас, подобно лодке, прибывает к шелесту текущей рядом Ганги. Она величественно несёт свои воды мимо наших амбиций и страхов. Для чего всё это? Ганга молчит... Я обучаюсь, *как* сражаться, но я не знаю, за *что*... Дрона останавливается у самой кромки воды. Коротким жестом он приказывает остальным идти к костру, оставляя нас двоих. Его фигура в сумерках кажется высеченной из того же базальта, что и прибрежные валуны.

— Арджуна. Сегодня ты перестал быть зрителем... — его голос резонирует с потоком Ганги, — В мире не будет воина, равного тебе. Это не просто дар, это мой обет тебе и твоя тюрьма. Я передам тебе знание, от которого содрогнутся Боги, но помни: чем неотвратимей оружие, тем меньше лиц остаётся в твоём мире.

Он оборачивается к огням лагеря, где Бхима что-то громко доказывает братьям.

— Иди. Твоё время ещё не пришло, но оно уже близко.

Вечерний костёр жадно пожирает сухие ветки, выбрасывая снопы искр в чёрное небо. Запах печёного творага и дыма смешивается с ароматом ночных трав. Бхима, покраснев-

шийся и громкий, размахивает огромным куском лепёшки, пересказывая сегодняшний урок так, будто это великая битва.

— ...И тут Дрона говорит: «Отойди, Бхима, ты впустил в разум плоды на ветках!» — он залиvisto хохочет, толкая локтем Сахадэву. — Клянусь, я просто подумал, что из этой птицы вышел бы неплохой ужин, если бы она была настоящей!

Юдхиштхира, прислонившись спиной к стволу дерева, задумчиво вертит в руках неоперённую стрелу.

— Учитель прав... — негромко произносит он, — Мы ищем цель снаружи, но проигрываем ей внутри себя. Моя праведность мешает мне видеть так же чисто, как видишь ты, Арджуна. В жизни слишком много разнообразия, чтобы я мог просто вычеркнуть всё ради одного удара.

Я слушаю их голоса, каждый из них взял от урока своё. Бхима — азарт, Юдхиштхира — повод для раздумий о долге. В их словах — жизнь, шутки и простота. В моих мыслях — только ледяная пустота и звенящий глаз птицы, который всё ещё стоит перед моим внутренним взором... Я чувствую, что Ганга ещё не закончила говорить со мной...

— Ешь, пока огонь греет, — Бхима протягивает горячую лепёшку, — Завтра Дрона снова заставит нас выжимать пот из костей.

Туман медленно расползается по берегу, путается в кустах, в корнях деревьев и спускается к самой кромке воды, где река кажется продолжением лесного мрака... Дрона заходит в воду первым; его силуэт растворяется в дымке, а шаги отзываются затаённым эхом в самой глубине Ганги. Мы следуем за ним, чувствуя, как ледяное течение обжигает щиколотки... Тишина взрывается! Огромный чешуйчатый крокодил вырывается из мути, и его челюсти тут же смыкаются на бедре Учителя! Юдхиштхира каменеет; Бхима делает вдох, чтобы закричать; мои руки действуют сами — пять стрел одна за другой уходят в цель; короткие удары в плоть сливаются в один звук, и зверь, подсечённый сталью, разжимает челюсти и медленно, словно нехотя, оседает на дно, превращаясь в ещё одну тень среди речных камней. Дрона стоит неподвижно. Он игнорирует рану, хотя кровь уже окрашивает воду вокруг его бедра в тяжёлый багрянец. Его взгляд прикован ко мне.

— Пока другие тонули в собственном страхе, ты уже закончил битву, — Учитель делает шаг, кровь уходит вниз по течению, — Подойди, Арджуна.

Я подхожу ближе. Дрона жёстко вцепляется в мои плечи, и я кожей чувствую жар его пальцев, который передаёт мне немую готовность Учителя к тому, что должно сейчас произойти.

— Теперь ты готов. Слушай и запоминай. *Оум Брахмаширасе Намо Намаха.* Это — Брахмашира-астра, оружие, способное стереть само Мироздание.

Каждый слог мантры вжигается в мой разум. И я чувствую, как моё основание начинает вибрировать вместе с Мирозданием, как будто сквозь меня проходит тектонический сдвиг.

— Никогда, — Дрона сжимает мои плечи, заставляя смотреть в самую глубину своего существа, — Никогда не направляй это оружие против человека. Нарушишь это — и ты сожжёшь не врага, а саму Дхарму.

— Для чего тогда эта сила? — мой голос дрожит, едва пробиваясь сквозь нарастающий гул в висках, словно всё моё существо внезапно стало тесно для этой пробудившейся бездны.

Дрона не отпускает моих плеч, и его пальцы впиваются в кожу ещё сильнее:

— Это оружие — замок на воротах бездны. Оно предназначено для тех, кто не рождён Матерью, для тех, чей дух презирует законы Земли и чья мощь угрожает самим основам Бытия. Ты — страж этого мира, Арджуна, а не его палач.

Дрона разжимает пальцы и отступает на шаг, и я вновь чувствую грунт под ногами. Молча склоняю голову, принимая это бремя, которое теперь ощущается тяжелее любого доспеха, и чувствую, как вибрация постепенно затихает, превращаясь в скрытый, затаившийся до времени холод. Дрона поворачивается к гаснущему костру — он теперь кажется не просто Учителем, а древним стражем, который только что передал мне ключи от клетки хтонического зверя. Весь мир словно вокруг затаил дыхание. Поднимаю взгляд на братьев и в глазах их вижу привычное тепло и немой вопрос — остался ли наш брат прежним или та бездна, что смотрела на него из глубин мантры, поглотила Арджуну навсегда.

Глава II. ЗВУК

Ночь не приносит забвения, она лишь обостряет чувства до предела. Тело всё ещё вибрирует от полученной мантры, словно я — колокол, по которому только что ударили Боги. Справа доносится глубокий, рокошущий храп Бхимы — звук лишён изящества, но в нём — абсолютная надёжность; от его массивного плеча исходит жар, накопленный за день борьбы, и этот тепловой контур очерчивает границы моей безопасности. Юдхиштхира не спит. Я не вижу его, только чувствую запах сухой травы и старого пергамента. Он погружён в глубокие раздумья, но его молчание не давит; оно кажется тяжёлым лишь для него самого, а для меня и для братьев оно излучает покой и ту незыблемую ясность, что настраивает наш внутренний слух, как мастер настраивает тетиву, убирая дребезжание страхов. В Юдхиштхире мы находим опору: пока он держит на своих плечах невидимый груз ответственности за наши судьбы, мы можем оставаться собой — свободными от яда сомнений и необходимости блуждать в хитросплетениях Дхармы. Рядом едва слышно ворочаются близнецы. От Накулы и Сахадэвы всегда исходит аромат горьких притирок и свежести ночного лотоса — запахи жизни и исцеления, которые они хранят в своих ладонях. Для нас они — та мягкая, но несокрушимая связь, что соединяет нашу силу с мудростью Земли, превращая пятерых братьев в единое дыхание, в пять пальцев одной руки.

Новый день уже просачивается сквозь щели бамбуковых стен холодным предрассветным туманом. В его призрачности есть что-то успокаивающее и пророческое: этот покой — лишь тонкая плёнка на поверхности кипящего океана, и как только солнце коснётся шпилей Хастинапура, наши ученические будни навсегда останутся в прошлом. Закрываю глаза, позволяя этому осознанию осесть внутри тяжёлым осадком, и наконец проваливаюсь в глубокий, лишённый сновидений сон...

Тяжёлые створки главных ворот со скрипом расходятся, и нас встречает плотный, застоявшийся жар человеческого муравейника... Мы внутри. Спустиа целую жизнь! Шум толпы окутывает вместе с сотнями любопытных глаз — люди пытаются разглядеть в нас тех детей, что покинули этот город много лет назад. Узнаёт ли этот город во мне того мальчика, что когда-то бегал по его пыльным дорогам, или я стал для них просто чужаком с обветренным лицом? Оставляя за спиной гомон толпы, мы вступаем под своды дворца, где живая суэта улиц, наткнувшись на холодную невозмутимость камня, окончательно гаснет. Белый мрамор, искусно украшенный резьбой, высокие колонны, уходящие в полумрак потолков, плиты, сложенные в длинные коридоры, у которых нет конца и края... Хастинапур встречает нас не радостью, а золочёной клеткой дворцовых анфилад. В каждом поклоне стражника, в каждом шелесте шёлковых одежд придворных чувствуется напряжение. Время здесь будто течёт иначе, оно не измеряется движением солнца, а дробится на мелкие кусочки церемоний и предписаний, за которыми легко потерять себя. Пространство дворца начинает сужаться, направляя нас к самому сердцу Царства. Наконец-то! Она стоит неподвижно, её фигура кажется хрупкой на фоне массивных колонн, но в её глазах — мудрость и стержень женщины, которую не согнуть никаким дворцовым интригам; она смотрит на нас, и я вижу, как в её глазах вспыхивает нестерпимая радость, смешанная с глубокой, почти болезненной тревогой; в уголке лепестка её глаза закипает одинокая слеза, которую она не спешит смахивать, и эта капля кажется мне чище всех драгоценных камней на сводах Хастинапура. В этот миг перестаём быть воинами Дроны, мы снова её сыновья. Опускаюсь перед Матерью, касаясь ладонями её стоп; братья повторяют мой жест.

— Дети мои... — её голос едва заметно дрожит, срываясь на выдохе; она протягивает руки и касается моих волос, затем щёки Юдхиштхиры, словно не веря, что мы — из плоти и крови, а не призраки из её долгих ожиданий, — Вы вернулись.

Поднимаю голову и накрываю её ладонь своей. Мои пальцы, огрубевшие от тетивы, кажутся слишком суровыми для её нежной кожи.

— Ты стал другим, Арджуна, — шепчет она, вглядываясь, — Твои глаза... в них теперь слишком много неба и стали.

Мать находит в себе силы улыбнуться, хотя я чувствую, как её пальцы судорожно сжимают моё плечо, будто пытаются удержать от неведомой опасности. Она быстро смахивает слезу, выпрямляя спину, и её лицо вновь становится маской непоколебимой Царицы.

— Идите, — она произносит тихо, направляя нас к трону, — И не давайте им увидеть вашу слабость, даже если эта слабость — любовь ко мне.

Двери распахиваются. Тронный зал ошеломляет своим масштабом. По обе стороны от широкого прохода, ведущего к возвышению, замерли гигантские изваяния слонов, высеченные из тёмного камня; их бивни, окованные золотом, блестят в свете факелов, а пустые глазницы смотрят на нас с холодным безразличием древности. У подножия этих исполинов всё кажется мелким, суетным, кроме власти, которая здесь вершится, а на самом возвышении — застыли те, кто держат нити наших судеб; каждому по очереди мы выражаем почтение, соблюдая неизблемый порядок Раджьи. Дрона в официальном облачении стоит, оставаясь неподвижным изваянием. Мы встречаемся глазами. Всего на миг. В его взгляде больше нет той лесной мягкости, только холодный расчёт ювелира, оценивающего остроту клинка после закалки. Рядом с ним, подобно белому утёсу, возвышается Дед Бхишма. От него исходит фундаментальная мощь; кажется, будто сам воздух вокруг него очищается. Вековым взглядом безвременной печали он смотрит сквозь нас, словно видит события, которые ещё не наступили. Дядя Видура стоит чуть в стороне от трона и одобрительно кивает. Его фигура не подавляет мощью, но от неё исходит спокойствие глубокой воды; а в его добром взгляде нет ни малейшего желания испытать нас на прочность или взвесить пользу для этого дома — лишь взгляд, в котором возвращённая надежда мешается с печалью человека, слишком много знающего о Дхарме и о цене, которую порой приходится платить за её соблюдение. В густой тени за спиной Царя замер прищуренный взгляд дяди Шакуни. Он не шевелится, но я кожей чувствую, как он просчитывает нас, словно кости в своей игре; его глаза скользят по моим рукам, по плечам братьев, выискивая зазубрину там, где Дрона выковал сталь. В самом центре этого мира застыл — Царь Дхритараштра. Он подаётся вперёд; его лицо напоминает застывшую маску, высеченную из белой кости,

— Подойдите ближе, — голос хриплый, властный, — Я хочу «увидеть» своих племянников.

Делаю шаг. Его руки находят мои плечи. Тяжёлые, сухие пальцы впиваются в мышцы, прощупывают кости, словно пытаются определить, из чего я сделан. Тело замерло как камень. Дхритараштра смыкает руки на мне, и, зажатый в его объятиях, я чувствую, как его пальцы вдруг перестают дрожать.

— Ты вырос, Арджуна... — его губы растягиваются в подобии улыбки, слепые глаза смотрят в пустоту... — Твои плечи крепки, словно ворота Хастинапура. Но помни: даже самые крепкие ворота держатся лишь на милости того, кто внутри.

Он прижимает меня к себе сильнее, почти до хруста.

— Гандхари, — он наконец разжимает пальцы, — Твои племянники здесь. Они больше не дети.

Дхритараштра отстраняется так же внезапно, как и притянул, и я снова могу дышать. Всё замерло в ожидании слова Царицы. Повязка на её глазах кажется частью её лица — её крайний обет, её преданность слепому мужу, ставшая плотью. Она медленно подымает руку, и я тут же подаю ей руку навстречу, стремясь сократить расстояние и коснуться её пальцев прежде, чем она начнёт искать опору в пустоте.

— Приветствую тебя, Арджуна.

— Спасибо, Царица-Мать.

— Твои руки холодны, — произносит она, сжимая мою руку.

Раздаются звуки тяжёлых шагов, звон оружия и едва уловимый шёпот, который тут же стихает. Оборачиваюсь — из тени колонн торжественно, словно захватывает пространство, выходит Дурьодхана, он останавливается в нескольких шагах, и воздух между нами начинает ощутимо густеть и становится вязким.

— Добро пожаловать домой, кузен, — в его голосе сочится притворное радушие, под которым пульсирует неприкрытая ненависть, — Надеюсь, лесная пыль ещё не совсем забила тебе глаза, и ты сможешь оценить блеск истинного величия Куру.

Он делает ещё полшага, сокращая дистанцию до предела.

— Мы подготовили для вас праздник. Но Хастинапур не любит слабых гостей. Посмотрим, чему на самом деле научил тебя Дрона, или ты просто научился хорошо прятаться в кустах.

Смотрю ему в глаза; внутри всё напрягается, как тетива перед выстрелом — ещё совсем недавно мы все жили в лесу, делили еду и кров под одним небом, а сейчас мы уже «его гости». Плечо Бхимы рядом — чувствую его жёсткое напряжение. Тишина становится острой.

— Пыль дорог одинакова для всех, — раздаётся спокойный, глубокий голос дяди Видуры; он делает шаг, мягко вставая между нами, и невидимая нить напряжения лопается, — Но здесь, в Хастинапуре, она быстро сменяется дурманом масел и праздностью. Дурьодхана, твоё гостеприимство похвально, но братьям нужно смыть усталость пути.

Видура кладёт руку мне на локоть,

— Идёмте. Дворцу тоже нужно привыкнуть к вашим шагам.

Распахиваются тяжёлые двери; в нос бьёт приторный запах благовоний и старой пыли. Всюду золото. Оно отражает свет факелов и дробится на тысячи острых осколков. Огромное ложе застелено шёлком; ткань на вид холодная и скользкая, как змеиная кожа. Бхима останавливается посреди комнаты и с недоверием вонзает пятку в мягкий ковёр.

— Осторожнее, братья, — его голос басит в тишине покоев, как камнепад, — Кажется, нас решили утопить в этом болоте роскоши прежде, чем мы успеем дойти до обеденного стола, — Бхима делает ещё несколько недоверчивых шагов по ковру, — Ноги вязнут. Арджуна, приглядывай за Сахадэвой, а то этот ворс поглотит его целиком вместе с его лечебными травами.

Юдхиштхира молча проходит к окну, которое расположено слишком высоко, касается резьбы, словно проверяет, не захлопнется ли капкан.

— Отдыхайте, — дядя Видура застыл в дверях; в его взгляде нет радости от того, что он видит нас в этих стенах, — Омовение готово, вечером будет пир. Весь Хастинапур хочет видеть вас.

— Дядя, — Юдхиштхира усталым голосом, — Наш разум ещё полон лесного шума, а тела пахнут дымом костров, позволь нам этот вечер провести в тишине, Хастинапур дожждётся нас завтра.

Дядя Видура медлит, но его добрые глаза тут же теплеют,

— Я передам Царю ваши слова. Отдыхайте.

Двери закрываются. Мы остаёмся одни в этой золочёной клетке. Накула и Сахадэва берутся раскладывать свои мешочки с травами, но делают это как-то механически, постоянно озираясь на высокие своды. Бхима подходит к столу, сжимает пальцами его вычурную ножку, словно проверяет дерево на излом; дерево стонет, но держится. Когда пальцы разжимаются, на полированной поверхности остаются глубокие вмятины. Бхима брезгливо вытирает ладонь об одежду, словно прикоснулся к чему-то липкому, сплёвывает и усаживается прямо на ковёр,

— Духота... — ворчит он, почёсывая затылок, — Здесь даже воздух тяжёлый, как мокрая шерсть. В лесу ты знал: если хрустнула ветка — это хищник. А здесь? Здесь тишина такая, что зубы сводит.

Юдхиштхира не отходит от окна; его пальцы всё ещё лежат на каменной резьбе,

— Тишина Хастинапура — это тоже оружие, и мы встретим её с открытыми глазами.

— Поди мудрить, — Бхима тяжело поднимается с ковра, — От твоих речей в животе только сильнее урчит. Пойдёмте на омовение, пока я не начал грызть эти золочёные ножки.

Золотые подносы позвякивают, пар от густых соусов поднимается к потолку, смешиваясь с запахом дорогих благовоний. Слуги расстилают ткани, расставляют чаши с изысканными яствами. Мы рассаживаемся на полу, как привыкли в лесу у костра, но никто не спешит прийтись к еде. Никто, кроме Бхимы. Брат уже всю тянется к самому большому подносу,

но на мгновение его рука замирает. В его взгляде мелькает что-то тёмное, старое — возможно память о том дне, когда речная вода приняла его тело, отравленное ядом Кауравов. Но это длится лишь миг. Бхима усмехается, словно бросая вызов самой смерти, и уверенно берёт первый кусок. Его желудок не знает страха, а воля к жизни переварит любую отраву этого дворца. Внезапный порыв ветра врывается сквозь щель окна тугой тягой — пламя в настенных светильниках испуганно вздрагивает, вытягивается и гаснет.

— Проклятье, — гремит в темноте голос Бхимы, и следом раздаётся металлический лязг задетого локтем подноса, — Эй, слуги! У вас тут экономят даже на свете или Хастинапур решил окончательно ослепнуть?

Рука замирает на полпути... Происходит что-то новое, что-то интересное. Я вдруг перестал чувствовать себя запертым... Тьма стёрла границы клетки. Мои пальцы сами, без участия мысли, находят край лепёшки, обмакивают её в соус и безошибочно подносят ко рту. Ни одного лишнего движения. Ни единого шороха о край чаши. Я жую в полной тишине, и внутри что-то с чётким звуком встаёт на место — тело помнит путь... Если я могу есть в темноте, я смогу и сражаться в ней. Всё лишнее отсечено. Всё, что мне нужно — это звук и направление.

— Арджуна, ты чего затих? — Бхима толкает меня плечом, пытаясь нащупать моё местоположение, — Ты там не уснул над соусом?

Я протягиваю руку и безошибочно вкладываю кусок лепёшки прямо ему в рот. Бхима на мгновение затихает, едва не подавившись от неожиданности.

— Ешь, брат, — тихо произношу я, чувствуя, как по губам скользит едва заметная улыбка, — Это самый честный кусок за сегодня.

— Мда-а? — Бхима шумно проглатывает еду, переваривая не только лепёшку, но и мою выходку, — Ну и хватка у тебя, Арджуна, в такой темени ты мне её чуть в глотку не забил!

В углу прыскает Накула, следом слышится сдержанный смех Сахадэвы. Даже Юдхиштхира негромко хмыкает где-то у окна.

— Бхима, не чавкай так громко, — сквозь смех вставляет Сахадэва, — А то Арджуна примет твой рот за мишень и начнёт стрелять туда лепёшками на скорость.

— Похоже, в этой темноте он видит твои зубы лучше, чем ты сам, — подхватывает Накула, — Будь осторожен: с такой меткостью он в следующий раз подложит тебе в рот корень горького нима, а ты и не заметишь.

Тьма в комнате взрывается хохотом. Братья больше не сдерживаются — смех Накулы переходит в звонкий клич, Сахадэва задыхается, согнувшись пополам, а Юдхиштхира смеётся открыто и глубоко. Даже сам Бхима, проглотив злосчастный кусок, начинает гулко ухать, сотрясая пол своими мощными ладонями. Напряжение, копившееся с самого въезда в город, лопается, оставляя после себя облегчение и дерзкую радость. Мы снова те же мальчишки из леса, и никакие стены Хастинапура не могут это изменить.

Крики сменяются стрекотом цикад в дворцовых садах; тени становятся длиннее, вползают в залы, слизывают позолоту со стен; ветер приносит с Ганги сырую прохладу; пол становится холодным; факелы догорают, и тишина наконец обретает плотность... Время настало. Пальцы касаются дерева — оно привычно холодит ладонь. Длинный коридор. Оперение стрелы шуршит о кожу колчана. Ещё пара шагов в глубину двора, где тень от стены становится плотной и поглощает последние отсветы факелов... Стрела находит тетиву. Вдох... Шелест крыла мотылька. Скрип ворот. Треск остывающего камня в стене. Точка опоры под ногами и точка в сорока шагах. Пульсация. Сердцебиение останавливается... Удар тетивы по запястью — короткий, сухой всплеск воздуха, рассекаемого сталью... *Тык*. Глухой, плотный звук удара о дерево. Стрела уже там. Звук опаздывает. Снова. Рука ныряет за спину. Вдох. Натяжение... *Тык*. Ещё одна... *Тык*. Третья. Руки работают сами. Плечо, локоть, пальцы — единый рычаг. Отточено тысячами повторений. Не целюсь. Просто позволяю стреле вернуться домой в точку, которую уже занял своим вниманием. Туча, застилавшая луну, медленно сползает в сторону, и тонкий одинокий блик падает мне на кисть руки... Свет серебрит кожу. Выделяет жилы, бугорки на суставах. В этой белизне пальцы кажутся мне чужими... Грубая кожа... Опалённая лесным солнцем... Похожая на кору... Короткое движение к ножу... Сырой перегной... Запах дикого зверя... Лес давит... — Экалавья. Сын нишадов. Изваяние. В глазах нет страха. Нет подобострастия. Только тихая, пугающая преданность тени нашего Учителя. Я замер. Мой лук дрожит... Семь стрел юноши прошивают пасть пса... Мастерство, которое Учитель обещал только мне... «Твой палец, Экалавья. Большой палец правой руки». Блеск лезвия... Ни звука. Ни стопа. Кровь — густая, тёмная — каплет на пыль, и окровавленный палец ложится в ладонь Учителя... Экалавья отдал тогда всё без остатка, совершив невозможное — он превратил свою преданность в плоть и кровь, принеся в жертву саму суть своего существования. Без этого пальца лук в его руках стал бесполезной палкой, и его великое искусство, добытое годами одинокого труда перед глиняным изваянием Дронаচারья, навсегда закрылось для него...

— Арджуна? — голос Дроны разрезает тишину.

Не слышал шагов...

— Ты стрелял в темноте, — он подходит ближе; его белые одежды в лунном свете кажутся неестественно яркими, — Я слышал каждый удар. Твоя стрела поёт чище, чем днём.

— Тело помнит путь, Учитель, — стены клетки внутри снова смыкаются.

— *Сакшаткара*, — произносит Учитель, глядя на три древка, застывших одно к одному, — Моё обучение закончено. Завтра толпа потеряет дар речи.

Глава III. ПЫЛЬ

— Город гудит, как растревоженный улей, — Накула подходит к окну, — Похоже, здесь собралась вся Бхарата-варша.

— *Хр-р-рм*, — подаёт голос Бхима, затягивая кожаные ремни на запястьях, — Хватит с меня глиняных мишеней и лесной романтики. Они хотят зрелища, братья. Дадим им то, что они хотят!

Юдхиштхира наконец поворачивается к нам, его пальцы слишком крепко вцепились в рукоять меча,

— Пора, братья.

Бхима с рывком перехватывает палицу,

— Встряхнём это болото!

Тяжёлые створки ворот поддаются, впуская в проём ревущий океан звуков. Арена — разомкнутая пасть, под завязку забитая криком. Тысячи лиц сливаются в пёстрое, колышущееся полотно. Запах пота, дорогого благовонного масла и сухой пыли, которая уже стоит в воздухе тонкой взвесью. Солнце, едва выкатившись из-за шпилей дворца, жарит песок до белизны, заставляя шуриться; беспощадный свет, в котором не скроешь ни одной ошибки. На возвышении, в тени расшитых золотом балдахинов, застыли фигуры Старейшин. Слепой Царь Дхритараштра подался вперёд, будто пытаясь разглядеть движение в шуме толпы. Там же, по правую руку от Царя, восседает Царица Гандхари. Рядом — Дед Бхишма и дядя Видура. Чуть поодаль — Крипачарья, почтенный Наставник. И, конечно, наша Мать Кунти. Я чувствую её взгляд даже сквозь пыль и расстояние. Учитель Дрона входит в круг. Рокот трибун захлёбывается, натываясь на внезапную вертикаль его присутствия. Раздаются звуки мантр и пронзительный, торжественный зов раковин. В своих ослепительно белых одеждах, с седыми волосами и бородой, Дрона выглядит как Бог, спустившийся проверить, достойны ли люди его уроков. Рядом, словно тень, следует его сын, Ашваттхама; высокий, с мрачной решимостью в глазах и сияющим камнем во лбу, он кажется живым продолжением воли Отца, его карающей и верной рукой. Учитель останавливается. Взмах руки обрывает зов раковин.

— Юдхиштхира, старший из Пандавов! — голос Учителя вспарывает тишину, звеня чистым металлом, — Выходи со своими братьями. Явите мощь своего оружия и доблесть, достойную Предков!

Плечом к плечу, единым костяком, чувствуя ритм дыхания друг друга, мы выходим на открытый песок. Зной бьёт в лицо, перехватывая дыхание. Навстречу, застилая горизонт блеском золота и шёлка, движутся Кауравы — сотня сыновей дяди Дхритараштры, возглавляемая Дурьодханой; он идёт первым, тяжёлым шагом, пробуя воздух на вкус; его взгляд — нескрываемый вызов — впивается в Юдхиштхиру.

— Посмотрим, чего стоит ваша лесная школа, — цедит Дурьодхана, проходя слишком близко.

Брат Бхима не тратит слов. Он перехватывает свою тяжёлую палицу, и мышечный узел на его плече перекачивается под кожей, предвещая сокрушение. Дурьодхана скалится, его пальцы уже на рукояти собственного оружия. Дрона поднимает руку и делает резкий, рубящий жест. Юдхиштхира выходит в центр. Движения выверены и спокойны, он кажется воплощением невозмутимой воли. Его меч описывает холодные, безупречные дуги, отсекая пространство с точностью жреческого ножа. Никакой игры на публику — только чистота школы и строгая геометрия долга. Меч возвращается в ножны. По знаку Учителя на арену вылетает его колесница. Юдхиштхира взбирается на неё одним слитным движением и легко подчиняет бег животных едва заметному контролю пальцев, словно не он управляет, а просто позволяет провидению вести его руку. Колесница чертит на песке идеальный круг, рука резко натягивает поводья — копыта коней зарываются в песок, взметая пыль столбом. Наш выход. Мы врываемся в круг; сотни ног втапывают песок, превращая арену в гудящий, раскалённый котёл; рядом — плечо брата, слева — сверкание золочёного щита кого-то из Кауравов; их топоры описывают тяжёлые дуги, копья прошивают воздух; вспышки металла — летящая в лицо пыль — соль на губах. В центр круга выходят Бхима и Дурьодхана, вращая палицы. Дерево и металл превращаются в размытые тёмные диски. Шаг, ещё шаг. Взгляды сшибаются. Удар палицы о щит — громовой раскат, от которого вздрагивает земля под ногами. Снова удар — треск дерева — скрежет металла. Песок бьёт фонтаном из-под тяжёлых стоп. Ещё удар — два горных обвала пытаются обрушить друг друга. Трибуна взрывается рёвом; тысячи искажённых лиц перегибаются через перила — толпа больше не смотрит, она жаждет крови.

— Смотри, Арджуна! — Накула кричит, пытаясь перекрыть толпу, — Они забыли, что это праздник!

Толпа раскалывается надвое. «Бхима! Бхима!» — «Дурьодхана!». Безумие течёт по рядам, как лесной пожар, перекидываясь с трибун на арену. Бхима и Дурьодхана больше не слышат правил — Учитель видит грань — его рука вскидывается. Ашваттхама тут же срывается с места и вклинивается между ними. Палицы недругов замирают в дюйме от плеч, они скалятся и глазами, налитыми кровью, буквально убивают друг друга взглядом.

— Довольно! — голос Учителя ввинчивается в хаос; рёв трибун натывается на эту преграду, дробится, спотыкается, сменяется растерянным ропотом, — Смотрите! Сейчас вы увидите того, чей лук поёт на языке Богов. Мой лучший ученик — Арджуна!

Выхожу вперёд. Холод ночной арены... Тень лесного юноши без пальца ещё мелькает над зыбью песка... Вдох... Пыль. Пальцы вжимают дерево, рвут стрелу из колчана и намертво крепят к тетиве. Свист. Троекратный. Одна за другой стрелы уходят в зенит, рисуя невидимые параболы. Первая пробивает рог кабана. Вторая срезает лепесток лотоса, брошенного в воздух. Третья.. Тишина на трибунах становится болезненной, звенящей... — третья замирает в центре мишени, расщепляя древко первой. Рёв толпы взрывается; звук бьёт в грудь, вибрирует в доспехах. Вдох... Прижимаю сталь к губам — священный слог рождается в муладхаре, поднимается по центральному каналу, заставляя тело пульсировать в такт первозданному хаосу Огня.

— Оум... Агна-йе на-ма-ха.

Стрела уходит в пустоту; в мгновение эфир заряжается звуком и небо над ареной вспыхивает; пламя лижет трибуны, выжигая кислород, превращая атмосферу в тяжёлое, текучее

золото. Лица зрителей — искажённые в багровом свете. Жар бьёт в лицо; кожа сохнет. Следующая стрела,

— *Оум Варунайя на-ма-ха.*

Ледяной Свист. В раскалённое марево врывается импульс. Удар грома — и на арену обрушивается плотная стена воды. Шипение пара. Белый саван закрывает собой всё. Грязь, брызги, резкий запах озона. Я в центре этого хаоса, сухой и неподвижный... Внутренний жар гаснет. Холод Варуны выравнивает пульс. Пальцы находят древко следующей стрелы — почти невесомая, из пористого дерева.

— *Оум Ваявья-йе на-ма-ха.*

Короткий щелчок тетивы. Вектор смещается. Сверхзвуковой поток начинает закручивать воздух в тугую спираль, поглощая остаточное эхо стихий. Выдох — волна сжатого воздуха расходится от центра к краям. Небо над головой снова чистое. Прозрачное. Песок под ногами сух, словно влага ушла в иное измерение... Лук остывает... Тысячи глаз застыли в звенящем оцепенении. Ритм жизни изменился. Я чувствую, как натянуто само полотно реальности. Неподвижный, свинцовый взгляд Деда Бхишмы прожигает насквозь. Он сидит высоко, задрапированный в белое, как горная вершина, не затронутая земной суетой. В его глазах — узнавание силы, чью бездну он измерил до самого дна. Рядом — дядя Видура. Его лицо — маска спокойствия, но пальцы, сжимающие посох, выдают напряжение. Дхритараштра жадно впитывает рокот толпы, его губы беззвучно шевелятся. Дрона стоит неподвижно... «В мире не будет воина, равного тебе»... «Это знание — тюрьма»... «Нарушишь это и ты сожжёшь саму Дхарму»... Трибуны замерли. От Царей до торговцев. Они только что видели, как звук превращается в огонь, а мысль — в гранит. Достаточно ли этого, чтобы заполнить их внутреннюю пустоту? В воздухе всё ещё стоит запах озона и жжёного камня. Взгляд остановился на Дурьодхане. Его ярость пахнет гарью. Он не видит искусство, он видит препятствие, которое должно быть устранено... Но вдруг его взгляд ушёл в сторону и смотрит куда-то мне за спину... Что он увидел? Или — кого? — В проёме ворот стоит воин. Медь кожи. Тяжёлый, матовый блеск золота. Незнакомец идёт прямо на меня и спокойным голосом прошивает воздух,

— Арджуна. Всё, что ты показал здесь... я повторю это и сделаю лучше.

Слова падают на песок тяжёлыми слитками. Он не ждёт ответа. Он вскидывает лук, и без мантр, без подготовки, огненная астра Агни расцветает в его руках мгновенно, и её жар опалит мне лицо. Вода, камни, ветер. Он делает всё, что делал я, но в его исполнении первоэлементы и стихии кажутся более первобытными и послушными. Учитель Дрона смотрит на него с тем выражением, с каким смотрят на призрака из забытого прошлого. Наконец незнакомец опускает лук... Мы стоим в центре замёрзшей арены; пространство между нами вибрирует...

— Теперь я равен тебе, царевич? Или ты сражаешься только с пустотой?

Лук в моей руке начинает петь — низко, предупреждающе. Тетива жжёт пальцы. Но прежде чем я успеваю сделать шаг, появляется Дурьодхана и торжествующим смехом разрывает застывший воздух,

— Приветствую тебя, о лучший из людей! — он хватается незнакомца за предплечья, его глаза горят безумным триумфом, — Моё Царство, мои братья и я сам — мы принимаем тебя. Кто ты? Назови своё имя, чтобы мир узнал, кто затмил солнце.

Воин не сводит с меня глаз,

— Я пришёл за поединком. Имена оставь поэтам.

Вперёд выступает Крипачарья.

— Чтобы вызвать принца крови, — его голос сух и колюч, как старый пергамент, — Ты должен сам назвать свой Род и своих Предков. Арджуна не может сражаться с тем, чьё имя не вписано в родословные Царей. Чей ты сын, воин? Чей ты крови?

...Из толпы выходит старик. Простая одежда, руки в мозолях от вожжей, страх в глазах. Он идёт, спотыкаясь, и незнакомец вдруг опускает лук и голову перед этим человеком. По трибунам прокатывается волна — сначала шёпот, затем резкий, режущий смех Бхимы,

— Возьми кнут, это твоё оружие!

Гул в толпе переходит в смех и в свист. Незнакомец замер в молчании...

— Арена эта — общая для всех! — вдруг он прерывает свою тишину, — Здесь присутствуют кшатрии, ещё более выдающиеся по силе, а ведь закон следует за силой. Какой смысл в ругательствах, утешении слабого? Поговори лучше стрелами, о потомок Бхараты, пока я на глазах у твоего Учителя не снесу сегодня стрелами тебе голову!

Я уже вижу, под каким углом его голова слетает с плеч, и одновременно внутри всё застывает в лёд — что меня сдерживает? В руке Дурьодханы блестит ритуальный сосуд,

— Если для боя ему нужно Царство, — он бросает дерзкий взгляд на Деда Бхишму и Учителя Дрону, — То я даю его ему! Прямо сейчас! Перед лицом Богов и людей я провозглашаю этого воина Царём Анги!

Тысячи людей захлебнулись вдохом. Дурьодхана наклоняет золотой сосуд и вода растекается по лицу незнакомца; тот опускается на одно колено, взгляд прикован к Дурьодхане,

— Что я могу дать тебе взамен?

Дурьодхана кладёт руку ему на плечо, заставляя подняться,

— Твою дружбу, — он разворачивается к трибунам, не убирая руки с плеча воина, — Кто бросит вызов Царю Анги — бросит вызов мне!

— Корона не спрячет запаха конюшни! — Бхима сплёвывает в пыль арены, — Помни это, когда будешь чистить коней своему новому хозяину.

Незнакомец не оборачивается. Дурьодхана крепче сжал его плечо,

— Посмотри на него — этот Бхимасена. Ты видишь конюшню, а я вижу героя, который затмил вас всех одним взмахом лука. Твоя желчь не изменит того, что сегодня вы проиграли человеку, у которого не было ничего, кроме его силы. А теперь у него есть всё.

Первый раз за долгое время слова Дурьодханы не пролетели мимо ушей как простой шум — они застряли во мне, как чужая стрела, которую нельзя вынуть... Кто этот воин?

Глава IV. КРОВЬ

— Подойдите.

Двор перед арсеналом замер под белым полуденным светом.

— Вчера весь мир ариев склонился перед вашим мастерством. Вы доказали право называться лучшими — ваша воля остра, а руки тверды. Я вижу перед собой воинов. Но, — голос Учителя неожиданно леденеет, — Ученик не может войти в мир, не отдав долг тому, кто открыл ему глаза. Гуру-дакшину.

Его лицо кажется высеченным из камня. Он не смотрит на нас — его взгляд направлен куда-то на север, в сторону богатых земель Панчалы,

— Моя гуру-дакшина — это не золото Хастинапура и не земли. Соберите войско и выдвигайтесь к Кампилье. Я хочу, чтобы гордый Царь Друпата, который когда-то назвал меня нищим, сам познал вкус дорожной пыли у моих ног. Тот, кто притащит мне его до заката связанным, как животное, — тот мой истинный ученик. Остальные — просто тени в дорогах dospехах.

Учитель замолкает. Мы стоим неподвижно, но воздух уже начинает вибрировать. Дурьодхана делает резкий шаг вперёд, выдернув меч с таким лязгом, будто он уже вскрывает горло врагу,

— Панчале не дожить до заката, Учитель!

— К бою! — ревёт Духшасана.

Сотня Кауравов срывается с места, хаос захлёстывает арсенал. Значит, это не просто конец обучения — это начало кровавой войны.

— Пусть напьются своей ярости, — Юдхиштхира приостанавливает нас, — Мы пойдём вторыми.

Ветер бьёт в грудь. Жара стала ещё сильнее. Мы поднимаемся на холм, венчающий границу земель Панчалы.

— Отсюда, — негромко произносит Юдхиштхира, делая последний шаг на вершину, — Кампилья видна как на ладони.

Белые стены, неприступные, острые бастионы, словно зубы зверя режут горизонт. В направлении стен с тяжёлым рокотом копошится золотая пыль из-под колесниц Кауравов. Они несутся к северным воротам. Дурьодхана стоит во весь рост, его красный плащ бьётся на ветру, подобно языку пламени.

— Братья, смотрите, — Накула показывает на высоты бастионов.

Белая стена внезапно обросла шипами. И вдруг — оттуда обрушивается плотный ливень стрел на войско Кауравов. Золотая пыль внизу перемешивается с искрами стрел, красный плащ Дурьодханы больше не виден.

— Они колют воздух со стрелами, — голос Бхимы перекрывает вой ветра.

Ворота Кампильи распахиваются и оттуда выходит тёмная, монолитная лавина панчалийской конницы. Колесница Царя Друпеды вспыхивает в центре этого потока, как раскалённый уголь. Полное наступление панчалийцев. Единый поток наступающих Кауравов очень быстро начинает дробиться.

— Слепая ярость — плохой щит, — голос Юдхиштхиры звучит холодно и размеренно, пока он фиксирует взглядом каждое движение внизу, — Кауравы атакуют город, но Друпета атакует их волю. Мы не станем ломиться в закрытую дверь. Пока конница панчалийцев увлечена преследованием бегущих, их фланги обнажатся. Мы разделимся. Бхима, ты возьмёшь на себя пехоту и создашь заслон. Накула, Сахадэва — вы держите коридор. Арджуна, твоя цель — только Царь. Не трать стрелы на камни стен, бей в само сердце их строя. Мы войдём в Кампилью не как захватчики, а как хирургический нож — быстро, точно и там, где нас меньше всего ждут.

Юдхиштхира коротко кивает в сторону города — строй Кауравов рассыпается. Колесницы сталкиваются одна с другой, застревают в узких проходах перед рвами, образуя свалку у самого подножия стен. Брат провожает взглядом колесницу Друпеды, которая всё дальше уходит от защиты бастионов.

— Смотрите, его фланг оголён, а воины слишком увлечены лёгкой добычей. Бхима, ты рассечёшь их поток пополам, отрезав Царя от пехоты. Арджуна, ты знаешь, что делать. Спускаемся!

Срываемся с места. Пять колесниц режут склон холма, набирая скорость. Внизу кипит жирная, удушливая пыль. Кауравы отступают. Проносится колесница Духшасаны, он вцепился в борта, лицо залито грязью, глаза пустые от ужаса; следом, в густом облаке поднятой пыли, мелькает колесница «Царя Анги». Он отступает, в ярости сжимая лук; его взгляд встречается с моим — воздух между нашими колесницами натягивается, искромечет, передавая в пальцы дрожь непрожитого боя.

— Его время ещё не пришло, — Юдхиштхира качает головой, считывая моё напряжение, — Держите строй!

Врезаемся в хвост панчалийской погони, и колесницы братьев расходятся веером: Бхима уходит влево, его палица уже описывает в воздухе тяжёлый, гудящий круг, готовясь вскрыть фланг преследующей конницы Друпеды. Накула и Сахадэва прикрывают тылы. За спинами бегущих открывается чистый просвет — Друпета хлещет воздух, упиваясь триумфом, не замечая, как мы уже отсекли его от городских ворот. Расстояние стремительно сокращается.

— Чисто! — Юдхиштхира скидывает руку, указывая на просвет в пыли.

Друпета наконец заметил меня. Его торжествующий крик обрывается — он тянется к своему тяжёлому боевому луку — пальцы накладывают стрелу на тетиву... Поздно! — Стрела

уходит прежде, чем он успевает поднять локоть; она со звоном врезается в вершину его короны, срывая её в грязь. Вторая стрела поёт в воздухе, перерубая рукоять его лука ровно посередине. Царь застывает с двумя бесполезными обломками в руках. Кони вскидываются на дыбы, теряя ход.

— Сближайся!

Возничий рывком натягивает вожжи, и кони, вздыбив пыль, бросают колесницу в косой занос, выравнивая траекторию. Расстояние между нами тает — сажень.. три локтя.. ладонь. Расширенные зрачки возничего Царя в ужасе фиксируют неизбежное... Удар. Борт вминается. Визгливый, искрящий скрежет стали. Толчок от колесницы и сквозь пыль и щепки — моё плечо врезается в грудную пластину Друпасы — жёсткое падение на доски — мы катимся по настилу — рывок — оскаленные зубы, хрип ярости — мелькают спицы колёс — Друпасы пытается меня сбросить с колесницы — тянется за кинжалом — вжимаю его ключицу в настил — грудная клетка содрогается в рывках под тяжёлым доспехом — его пальцы разжимаются — обрывок вожжи — узел...

— Хватит, Друпасы. Всё кончено.

— Чей ты пёс? — глаза налиты кровью, зрачки сужены в иглы, — Кто научил тебя так кусаться?

Грохот пыли слева — крик слона обрывается, захлёбываясь собственной кровью. Бхима дробит черепа боевых слонов. Царь, видя это месиво, вздрагивает,

— Демон!

Панчалиец выныривает, заноса меч — его обрывает стрела, прилетевшая в правую глазницу с невозможной дистанции. Он делает ещё шаг, но уже будучи мёртвым. Стрела Юдхиштыхиры. Накула и Сахадэва зажали министров в тиски. Горло главного военачальника прижато к борту колесницы Бхимы. Друпасы переводит взгляд с одного захваченного предводителя на другого. Шансов нет. Ярость в его зрачках гаснет, и на лице выступает горькая усмешка узнавания...

— Дрона.

Царь падает наземь. Руки, связанные обрывками собственных вожжей, вывернуты за спину. Тень Учителя накрывает его голову, как могильная плита.

— Где твоя корона, Царь?

Друпасы застыл, в его глазах ярость, бессильная перед свершившимся фактом.

— В пыли Кампили, брахман.

Дрона не шевелится. Его лицо — маска из белого камня. Он медленно наклоняется, сокращая расстояние, пока их глаза не оказываются на одном уровне.

— Брахман? — в его голосе прорезается торжествующий тон, — Видимо, ты ждёшь пощады? Помнишь, как ты смеялся, когда я просил чашу молока для своего сына? Тогда ты не видел во мне брахмана.

Друпада кривится, но не отводит взгляда, понимая, что каждое слово теперь весит больше его жизни.

— Ты сказал тогда, — тень Дроны полностью поглощает фигуру пленника, — Что дружба возможна только между равными. Я забираю половину твоего Царства. Теперь мы равны.

Увидев, что гордый Царь застыл в бессильном оцепенении, раздавленный этим милосердием, Дрона едва заметно улыбнулся.

— Могу ли я теперь рассчитывать на твою дружбу? — он протягивает руку.

— Рассчитывать? Да. Брахман, который стал Царём, достоин такой дружбы, в которой каждое слово будет стоить крови. Ганга разделит наши земли...

— Арджуна. Освободи своего «друга».

Лезвие рассекает вожжи; Друпада вздрагивает.

— Так вот, значит, кто меня покусал.. Арджуна.

Дрона делает шаг ко мне, игнорируя пленника. Его рука ложится мне на плечо — тяжёлая, как гранитная плита,

— Нет воина во всех Трёх Мирах, равного тебе, Арджуна! Твоё имя сегодня вписано в эту землю кровью Панчалы!

Дрона вскидывает мой лук над головой, обращаясь к застывшим воинам Куру,

— Склонитесь перед тем, кто не знает поражения! Арджуна — венец моего искусства. Он — пламя, перед которым вы все — лишь сухая трава!

Дурьодхана бледнеет до синевы; его глаза мечутся от меня к Дроне.

— Мы слышали тебя, Учитель. «Пламя». Оно же и часто пожирает того, кто его раздул, — он криво усмехается и уходит.

Танг. Танг. Дзынь-н-н... Кузнецы в пульсирующем полумраке бьют по раскалённому железу. Движения отточены веками войн, превращая грубое железо в инструмент Дхармы. Наконечники выходят из-под молотов идеально ровными, словно отлитыми из солнечного света. Стража и подмастерья сгрудились у каменных арок..

— Владыка людей Дхритараштра, хотя и обладает глазом знания, но вследствие своей слепоты ещё прежде не получил Царства. Как же он теперь может быть Царём?

— Слепец не может вести зрячих! Это против Дхармы!

— Юдхиштхира — единственный, кто знает закон! Посмотрите на него, он уже Царь в каждом движении!

— А Бхишма?

— Он не возьмёт венец, он скован обетом. Мы сегодня же помажем старшего Пандаву — юного, но с нравом взрослого, справедливого и чуткого к несчастным! Он не обидит Кауравов, он даст им любые наслаждения. Но править должен тот, кто видит свет!

— Согласен.

— Да.

— Нам не нужен «Царь», который прячется за спиной слепого Отца. Юдхиштхира — это наш глоток чистого воздуха. Мы пойдём к воротам дворца! Пусть наш голос станет законом, который нельзя проигнорировать!

— К воротам! Пусть слышат все!

Гул голосов смешивается с ударами по наковальне. Кузнецы не смотрят на стражу, но ритм их ударов учащается, словно они вколачивают эти слова в самую плоть будущих стрел. Брат Юдхиштхира... Его праведность — это щит для народа. Но если эти наконечники закаляются в ненависти и надежде горожан, против кого они будут направлены? Где та грань, за которой защита Дхармы превращается в её разрушение? Неужели Боги куют мир только через горнило войны? Не знаю.. Но железный привкус на языке в эту минуту говорит мне: так пахнет кровь.

Глава V. ЛАК

На столе горы липких сладостей, засахаренных фруктов и увядающих цветов. Среди серебряных блюд высятся пирамиды из риса, сдобренного густым топлёным маслом, и чаши с подкрашенным шафраном молоком. Тяжёлый дух мёда мешается с кислым запахом брожения и приторным ароматом перезревших плодов, которые уже начинают подгнивать в этой духоте.

— Ещё мадху, господин Пурочана? В Варанавате умеют праздновать так, будто завтра не существует.

— Ваша щедрость, принц, не знает границ, как и терпение вашего рода, — Пурочана кланяется, его кадык судорожно дёргается при каждом глотке, — Терпение — это добродетель тех, кто умеет ждать своего часа. А вы умеете ждать?

— Хорошее мадху не терпит суеты, господин Пурочана. Как и любая хорошая история. Главное — вовремя сделать последний глоток, чтобы вкус не успел стать горьким.

Пурочана едва заметно вздрагивает, и мадху в его кубке идёт мелкой рябью от дрожи пальцев. Он кривит губы в подобии улыбки, не сводя глаз с моего лица,

— О, несомненно. Вы кажетесь сегодня на редкость беззаботным, принц. Это медовина или просто... хорошее настроение?

За его спиной словно оголённые нервы дрожат факелы с короткими фитильками, зажатые в массивные бронзовые треножники. Огонь расположен строго по центру зала и коридора...

— Арджуна просто предвкушает добрый отдых, — Юдхиштхира подаётся вперёд, в круг света, и его голос звучит непривычно мягко, — Мадху такое густое, что после второго кубка даже воину снятся сады Индры. Разве можно винить Арджуну за то, что он уже одной ногой в этих садах?

— Сады Индры? — выдавливают он сквозь смех, едва переводя дыхание, — Прекрасное сравнение! Но скажите мне, любезные, разве воин не должен испить чашу до дна, прежде чем войти в небесные врата? Или вы боитесь, что мадху Варанаваты окажется сильнее вашей воли? Пейте же! За ваш покой!

Зодчий замирает, вытянув кубок в мою сторону... Подношу его к губам; язык прижат к нёбу, отсекая влагу; в полумраке он видит только глоток.

— Небесные обитатели ослепляют своим величием, но... — радушие Варанаваты можно потрогать руками, — голос Матери обволакивает, мягко гася остроту смеха Пурочаны, — Мой сын всегда был склонен к поэзии, господин зодчий. Но разве образы Арджуны сравнятся с тем, как искусно вы воплотили в дереве и камне саму идею гостеприимства? Здесь всё устроено так безупречно, что даже гостям не хочется возвращаться домой.

— Ваша похвала, Госпожа, — он поднимает глаза, и в них, затуманенных хмелем, вспыхивает фанатичный блеск, — Тяжелее золота. Люди возводят здания, чтобы в них жили, — голос его становится ниже, обретая неожиданную плотность, — Но этот дворец я строил, чтобы

в нём... свершилось. Чтобы каждый свод, каждая панель из этого редкого лака служили одной цели. Вы хвалите дерево и камень, Госпожа, но сердце лакша-грихи — в послушании моей воле.

Юдхиштхира кладёт свою чашу на стол — короткий звук серебра о дерево. Ещё вибрация — едва уловимая пяткой стопы. Прямо сейчас под полом... Горняк Кханака доводит последние штрихи, а его едва различимый шёпот долота говорит, что до конца остались считанные дюймы. Сейчас одно неверное движение — и этот звук станет обвалом.

— Редкое мастерство, господин зодчий, — Юдхиштхира смотрит на Пурочану спокойно, без лишней суеты, — Я помню этот дом ещё в чертежах, когда мы только приехали в Варанаси. Тогда это была лишь идея, эхо вашего замысла. Но сейчас я вижу, что вы добились абсолютного подчинения материала. Здесь нет ничего случайного. Каждая линия, каждый стык — всё идеально на своём месте.

Пурочана жадно впитывает каждое слово; откидывается назад и произносит,

— Знаете, в чём беда зодчего? Когда работа закончена, создатель в своём творении становится лишним. Либо я должен уйти, либо это место должно... — он делает паузу, обводя зал мутным взглядом, — Сменить хозяина.

В итоге его взгляд замирает на мне; или он просто смотрит, или ждёт какой-то реакции.

— А вы, Арджуна? — его голова слегка заваливается набок, — Принц Юдхиштхира говорит, что вы уже одной ногой в садах Индры. Но разве сын Громовержца может ошибиться дверью? Скажите, вы ведь узнаете небесные чертоги, когда они предстанут перед вами во всём блеске? Или вы всё ещё ищете изъян в моём земном воплощении рая?

Пурочана издаёт короткий, булькающий смешок и тянется к мадху, но промахивается мимо края, задевая рукавом блюдо с рисом.

— Дворец-то послушный, — бормочет он, — А вот рука...

— Искать изъяны там, где приложено столько воли, — неблагодарный труд, — маска вежливой усталости не даёт трещины, — Я вижу вашу цель, господин Пурочана, и я верю, что вы сделали всё возможное, чтобы этот дворец стал для нас не просто домом, а местом постоянного вдохновения и силы.

Мать плавно обходит стол, и аромат сандала на мгновение перебивает тяжёлый запах смолы. Её ладонь ложится на плечо пожилого гостя, почтенного торговца тканями, который завороченно взирает на Царицу.

— Посмотрите на нашего дорогого Шетти, — она чуть склоняет голову, одаривая его лучезарной улыбкой, — Он так заслушался вашими рассказами о райских садах, что совсем забыл о времени. А ведь завтра его ждут великие дела на рынке. Неужели вы отпустите такого благодарного слушателя, не наполнив его кубок на прощание?

Торговец расплывается в хмельной, польщённой улыбке, пытаясь изобразить подобие поклона, не вставая с места.

— Конечно, Госпожа, — голос Пурочаны звучит чуть более сипло, — Благодарные подданные — это фундамент. Они не должны долго ждать своего счастья.

Мадху течёт рекой, а хозяин всё ещё держит кувшин в руках. Вибрация под полом стала почти неуловимой.

— Господин Пурочана, я всё хотел спросить... — тихий, кристально чистый голос Сахадэвы заставляет зодчего вздрогнуть, — Почему именно лак?

Пурочана неторопливо протягивает кувшин подоспевшему слуге.

— Почему именно лак? — он криво ухмыляется, и в глазах вспыхивает азарт игрока, который уже видит финал партии, — Это йогическая химия древности, принц. Лак делает дерево монолитом. Он вцепляется в волокна так крепко, что их не разделить. Он не боится сырости, он не боится времени...

— Какое изящное решение, — Сахадэва одобряюще подхватывает.

— Похоже, этот дворец планирует пережить нас! — Бхима широко улыбается.

— О, безусловно! И вас, и уж точно меня! — зодчий разражается смехом; его пальцы судорожно сжимают резной подлокотник кресла.

Мы смеёмся вместе с ним — общий хохот звучит слишком громко. Пурочана жестом приказывает слугам наполнить кубки застывших в тених стражей. Делаю короткий шаг в сторону, освобождая путь слуге с тяжёлым кувшином и одновременно «слушаю» стопой — тонкая нить вибрации под пяткой обрывается... *Тк-тк-тк...* Последний акустический код от Кханаки... Короткий встречный взгляд Юдхиштхиры. В дальнем конце зала Мать, провожая гостя, кладёт ладонь на его плечо, шепчет слова благословения, но её взгляд направлен в центр зала, на нас. Пурочана, чьё лицо застыло в гримасе лихорадочного веселья, обмякает в кресле, прижимая уже пустой кубок к груди; его взгляд бесцельно блуждает по залу. Голова Шетти медленно погружается вглубь расшитого воротника.

— Ещё немного мадху, господин Пурочана? — Юдхиштхира делает контрольный выстрел, — Сегодня я чувствую, что праздник удался. Вы ведь тоже это чувствуете?

— Однозначно, принц! — он замирает, уставившись в пустое серебряное дно, словно пытается прочесть там свою судьбу.

Юдхиштхира наклоняет кувшин. Тонкая струя хмельной влаги ударяется о серебро. Пурочана бледнеет, но тут же расплывается в подобострастной улыбке, принимая наполненный кубок.

— Ночь уже вступила в свои права, господин зодчий. Вы подарили нам праздник, который мы не забудем, но телу нужен отдых, чтобы душа была готова к завтрашнему дню.

Юдхиштхира медленно выпрямляется, отставляя пустой кувшин.

— Мать права. Время отдыхать, — Юдхиштхира поднимается, и этот простой жест звучит как команда к развёртыванию строя.

Пурочана пытается сфокусировать взгляд на брате; его голова качается, как маятник.

— Да... точно... завтра... — он прищипывает губами, пытаясь вытолкнуть слова, — Завтра мы осмотрим... оружейную... и новые конюшни. Там ещё столько... столько... — неосторожный взмах руки в сторону застывших слуг, едва не опрокинувший кубок, — Гасите... Гасите факелы. Оставьте только... дежурные. Принцы хотят... тишины.

Слуги, пошатываясь, тянутся к бронзовым треножникам. Один за другим огни гаснут, погружая зал в густую, пахнущую гарью и сладким мадху полутьму. Пурочана пробует встать, но колени предательски уходят в сторону.

— О-ох...

— Осторожнее, господин Пурочана, — голос Бхимы звучит заботливо, — Земля сегодня качается под ногами даже у самых стойких. Давайте мы вас проводим.

— Спасибо... Бхима...

Стены колышутся, как чёрная вода. Ломаные, зловещие тени, скользящие по лаковой поверхности, дрожат, дwoятся, троятся, движутся отдельно и вытягиваются в длинные иглы. Чувство опоры и пространства коробится так, что уже не разобрать, где верх, а где низ. Ноги Пурочаны едва касаются полов; он лишь слабо перебирает ими в воздухе, бормоча что-то о «райских садах».

— Мы на месте, — Юдхиштхира помогает ему пройти в покои; тот цепляется за дверной косяк руками, а глазами — за блик на лакированной колонне, — Отдыхайте, господин Пурочана.

Пурочана сползает по косяку внутрь комнаты, откидывается на подушки, и его веки падают вместе с ним.

Разворачиваемся и бесшумно движемся к своим покоям...

Внутри покоев нас уже ждёт Мать; она стоит у окна, глядя на затихший двор; рядом с ней — Сахадэва и Накула, сжимающие в руках походные сумки.

— Он спит. Всё наше прошлое спит в этих стенах, — Юдхиштхира плотно закрывает дверь.

Бхима бесцеремонно отшвыривает край тяжёлого ковра и следом за ним с грохотом отодвигает дубовый щит.

— Спускайтесь. Я догоню.

Юдхиштхира спускается первым. Мать следует за ним, опираясь на край лаза. Накула и Сахадэва быстро уходят вниз один за другим. Теперь я. Бхима остаётся, у него в руках кремень и нож. Как только оказываюсь внизу, раздаётся резкий скрежет стали о камень...

Туннель тесный, но можно двигаться быстро. Стены, укреплённые толстыми досками, мелькают по бокам. Своды надёжные, выверенные — Кханака работал над этим ходом много месяцев, вгрызаясь в землю, пока дворец спал. Юдхиштхира задает высокий темп; Мать за ним, не отставая. Горький запах смолы и горящего лака пробивается сквозь сырость, и начинает тянуть тонкой струйкой едкого дыма сквозь щели в перекрытиях. Дым становится гуще, стелется под потолком, заставляя кашлять. Прибавляем шаг. Туннель кажется бесконечным. Сзади нарастает глухой, едва различимый гул. Впереди вспыхивает серое пятно — выход. Один за другим выбираемся на свежий воздух... Склон берега обрывается к воде... Священная Ганга, чёрная и безмолвная... Тяжёлые шаги за спиной — из лаза, громко дыша, выходит Бхима; его лицо в саже, но глаза горят.

— Пойдём ближе, — вполголоса произносит Юдхиштхира, вглядываясь в вязкую темноту у подножия склона, — Нужно проверить глубину, — он делает осторожный шаг по осыпавшемуся грунту, — Бхима, придержи Мать. Арджуна, следи за течением. Я должен понять, где кончается глина и начинается русло.

Из темноты прибрежных зарослей отделяется тень. Человек движется бесшумно, его присутствие выдает лишь едва слышный шорох ткани. Он делает шаг навстречу Юдхиштхире.

— Пойдёмте, я покажу вам лодку.

— Кто ты? — голос брата сух и резок, — Кто тебя послал?

— О Юдхиштхира, — произносит незнакомец, в его интонации нет страха, — *Лесной пожар не пожирал шакалов, скрытых в своих норах. Спасается тот, кто защищает себя.*

Юдхиштхира медленно выпрямляется. Напряжение в его плечах исчезает. Он узнал слова, что поведал ему мудрый дядя Видура на языке млеччхов в день нашего отъезда.

— По этим знакам узнай во мне доверенное лицо Видуры, — он делает приглашающий жест в сторону реки, — Господин также передал: «О сын Кунти, ты обязательно победишь в битве Карну, Дурьодхану с его братьями и Шакуни». Лодка готова. Она доставит вас на южный берег, там ваш след затеряется в лесах.

Он указывает на тёмный контур судна.

— Заходите, времени мало.

Юдхиштхира кивает. Мы быстро занимаем места на грубых скамьях. Снаружи — простое дерево, внутри — янтра, способная спорить с течением Ганги. Лодочник делает мощный гребок, и берег Варанаваты постепенно исчезает в густом тумане с багровыми отсветами...

— Великая ночь Шивы... — произносит лодочник, не оборачиваясь.

— Цикл замкнулся... — негромко отзывается Юдхиштхира; его лицо неподвижно и серьёзно, — Господь Шива помог нам разрушить старое... Теперь мы мертвы для этого мира.

Река ритмично бьётся о борт... Ночное небо подсвечивается... Мы вошли в этот город как гости, а ушли — как призраки через чрево Земли... Долгая и изнурительная психологическая дуэль в дворце, который в любой момент мог стать нашим крематорием... Могли ли мы поступить иначе? Я так и не смог найти ответ на этот вопрос... Если бы мы просто сбежали, Дурьодхана и дядя Шакуни организовали бы погоню по всей Бхарата-варше. Скрыться пятерым братьям и Матери было бы невозможно. Нас бы объявили дезертирами и приговорили к смерти. Хуже того — мы бы поставили под удар дядю Видуру, чей план был единственным шансом на спасение.

— У нас не было другого пути. Или мы, или они, — Юдхиштхира, словно прочитав мои мысли.

— Если враг пришёл сжечь тебя в твоём доме, ты сжигаешь его в этом самом доме, — Бхима произносит и делает долгий выдох, со свистом, будто сбрасывает с себя раскалённые своды лакового дворца.

Юдхиштхира прикрывает глаза. Плывём в тихих раздумьях какое то время... Лодочник украдкой взглянул на нас, его весло замерло...

— Знаете, — он нарушает тишину, — Начиная этот путь и уходя в одиночестве, никогда не теряйте бдительности.

Мать прижимает ладонь к груди, её губы беззвучно повторяют его слова, словно молитву. «Уходя в одиночестве»... Слова лодочника словно ключ, который окончательно повернулся в замке нашего прошлого... Ни имён, ни титулов, ни прав... Мы больше не царевичи, не наследники великого Куру. А эта лодка — колыбель нашей новой жизни.

Киль лодки с мягким шорохом врезается в песок.

— Джая! — произносит лодочник, не выходя на берег, и тут же упирается шестом в дно, готовясь к обратному пути.

Юдхиштхира оборачивается к лодочнику,

— Передай нашему благодетелю — его забота не была напрасной и Земля укроет нас, пока огонь в столице не догорит дотла.

Лодочник толкает шест, и лодка отходит. Вода капает с весла... И дремучая тишина пограничного леса...

— Нужно идти, Мать замёрзла...

Глава VI. ЗОЛА

Влажный воздух сдавливает грудь, превращая каждый вдох в усилие. Мать едва держится на ногах, её веки отяжелели от усталости. Накула и Сахадэва тоже подустали. Бхима, подобно скале, проламывает путь сквозь сплетения лиан и вековые заросли кустарника.

— Мы не железные, Бхима, — Юдхиштхира вдруг останавливается возле поваленного ствола, покрытого серым мхом, — Разожги огонь, но так, чтобы дым не поднялся выше крон. Арджуна, а ты добудь что-нибудь съестное.

— Я ненадолго.

Погружаюсь глубже в непроглядную зелёную пасть... Ноги вязнут в перегнившее. Резкие запахи гнили ударяют в нос. Снимаю лук с плеча, слух обостряется до предела... Справа — сухой треск ветки, слева — шорох листвы. Тьма здесь живая. Она смотрит на меня множеством затаённых глаз... Стрела должна быть быстрее их голода. Ещё один шорох... и она уходит на звук, пронзая пространство между стволами — раздаётся крик горного козла...

У костра уже кипит работа. Кожа Бхимы содрана в кровь о шипы кустарника, а в глазах горит дикий азарт — он, тяжело дыша, раздирает огромного лесного кабана.

— Одного козла нам будет мало, — ухмыляется Бхима, вытирая пот со лба окровавленной рукой, — Мой желудок сегодня требует настоящей еды.

— Бхима прав. Половину добычи мы отдадим ему, — голос Матери звучит ровно и твёрдо, — А вторую половину я разделю на нас пятерых. Это закон нашей новой жизни.

Бхима довольно скалится, уже прикидывая объём своей доли.

— Если закон таков, то я готов защищать его, — он хлопает себя по мощному бедру, — Главное, чтобы дух мой не иссох вместе с плотью.

Запах жаренного зверя заполняет стоянку.

— На, бери, — Бхима протягивает кусок обгоревшей плоти, и его пальцы всё ещё испачканы кровью.

В груди шевелится странная горечь. Мы становимся похожи сейчас на стаю лесных хищников... Кшатрию положено охотиться, это наш долг и природа, но сердце ведь не обманешь — оно откликается на тишину, которую я сам же и создал, оборвав чужое дыхание. Ещё мгновение назад этот зверь был частью леса... теперь — лишь способ для нас выжить ещё один день. Прости меня... твою жизнь ушла во тьму ради того, чтобы продолжить нашу. Внезапно птицы на вершинах смолкли... Воздух становится густым...

— Тише.

Братья замирают, не донеся куски мяса до ртов. Из теней леса, словно соткавшись из самого тумана, к костру выходит высокая фигура.

— Не пугайтесь, дети мои. Страдания ваши — лишь пламя, в котором куётся ваша судьба.

Это Он... Ведавьяса! Все падаем ниц; угли костра вспыхивают ярче, освещая его стопы.

— О великий Риши, Учитель Отцов наших... Ты нашёл нас в этой грязи. Значит, Хастинапур действительно считает нас мёртвыми?

Ведавьяса подходит ближе; воздух вокруг Него идёт рябью.

— Для них вы — пепел в лаковом доме. Не спешите воскресать.

— Мы бежим, о великий Мудрец! — голос Бхимы дрожит от едва сдерживаемой ярости, — Кшатрии не должны прятаться в норах, как крысы, дайте мне благословение вернуться и разнести ворота Хастинапура прямо сейчас!

— Твоя сила, Бхима, сейчас — твой враг. Ты сожжёшь себя раньше времени. Слушайте меня внимательно. Сейчас ваше оружие — не стрелы, а смирение. Идите в Экачакру. Наденьте одежды брахманов и смирите свою гордыню чашей для подаяния.

— О великий Мудрец, — голос Бхимы тяжелеет, — Как долго нам прятаться? Сколько нам быть теньями, прежде чем вернём нам наше право и наше имя?

— Пока пламя внутри вас не станет ровным и управляемым. Вы теперь — семена, скрытые в земле. Чтобы прорасти, вам нужна тишина. Я приду, когда время созреет.

— Мы сделаем так, как Вы сказали, — Юдхиштхира склоняет голову, сложив ладони.

Взгляд Ведавьясы настигает меня — тяжёлый, ледяной и одновременно обжигающий поток, прошивающий насквозь. Он видит в моём сердце каждую струну, каждую искру жажды боя и каждое сомнение, которое я пытаюсь скрыть даже от самого себя; и видит Арджуну-принца, который не хочет умирать в брахманских лохмотьях.

— Твой путь, Арджуна, сейчас лежит не через поле битвы, а через тишину собственного духа. Будь верен этой тишине.

Он разворачивается; белая ткань одежд на мгновение мелькает между стволами деревьев и тут же поглощается густой ночной тенью. Ни хруста, ни шороха — Он уходит так же беззвучно, как и пришёл.

— Как Он нас нашёл среди этого бурелома?

— Силой своей йоги, Бхима. Для Него этот лес прозрачен так же, как и твои помыслы, — Юдхиштхира отвечает тихо.

— Дед Вьяса — корень нашего Древа, дети. Без Его слова мы бы сейчас просто блуждали во тьме. Смиритесь. Его воля для нас — закон, — Мать подходит к Бхиме и кладёт ладонь на его предплечье, заставляя брата выдохнуть и опустить голову.

«Смирите свою гордыню чашей для подаяния»... Я видел Его раньше лишь издалека, как недостижимую вершину Гималаев, окутанную облаками мудрости, но в Его присутствии здесь каждое слово стало весомым, как приговор. Когда Он говорил, замолк даже ветер; когда Его волю подтвердила Мать, мир сузился до одной точки послушания. Для нас Они — высшие авторитеты, чья правда не обсуждается, а принимается как воздух, даже если он обжигает лёгкие. «Смирите свою гордыню чашей для подаяния» — это значит, мой главный враг теперь не Дурьодхана и не Карна. Мой враг — тот шёпот внутри, который напоминает, что я — сын Панду, лучший ученик Дроны, тот, перед кем склонялись Цари. Вьясадэва хочет, чтобы я сжёг этого Арджуну дотла.

Угли костра теплятся под кромкой пепла; рассвет в лесу серый и влажный. Юдхиштхира возвращается из чащи, неся пласты свежесрезанной коры и пучки жёсткого лыка. Он молча сваливает это у наших ног, достаёт из узлов старые куски ткани, потемневшие от дорожной пыли, и начинает облачаться в лесную одежду. Мы молча следуем его примеру. Бхима ломает сухие ветви, добывая чистую белую золу из остывшего костра.

— Втрите её в кожу.

Один за другим, покрываем себя этим пеплом отречения, пока цвет наших тел не становится мертвенно-бледным, как у аскетов, забывших о солнце. Лишь Мать не касается пепла, её аскеза — в молитве за нас, а не в увядании плоти.

— Теперь волосы.

Лес затаил дыхание, принимая наш новый облик.

— Где мы возьмём чаши? — Бхима пожимает плечами.

— Провидение всегда посылает инструмент тому, кто принимает обет, — Накула подбирает с земли плод лесного кокоса и светит своей находкой.

— Теперь мы тени среди деревьев, — Сахадэва изображает обитателя кладбищ в тумане, — Нас не найдёт ни враг, ни мы сами себя не найдём.

— Хватит притворяться претом, — Накула легонько толкает вжившегося в роль брата.

— Преты... — Бхима хмурится, разглядывая свою чашу, — Кто это? Очередные лесные попрошайки, которые захотят отобрать мой обед?

— Если бы, брат, — Накула качает головой, — преты — это существа, которые застряли между мирами на пути к Предкам, у них тонкие шеи и огромные животы: они видят еду, но не могут её проглотить, они постоянно испытывают неутолимый голод и жажду.

— Не вижу никакой параллели, — в уголках губ Бхимы мелькает тень улыбки.

Прямолинейность Бхимы — это то, что не даёт нам окончательно превратиться в тени, хотя и параллели есть — мы все действительно сейчас похожи на тех, кто застрял где-то между прежней жизнью и неизвестным будущим.

— Да, но у нас ещё долгий путь по земле, а преты, как известно, не ходят с чашей для подаяний, — Юдхиштхира обводит нас своим отрезвляющим взглядом, который мгновенно выметает из сознания остатки лишних мыслей, — Если мы готовы, то можем выдвигаться.

Один лес сменяется другим, пока зелень не начинает редеть, уступая место вытоптаным тропам; каждый камень впивается в ступни, напоминая о смирении...

— Глядите, впереди маячат ворота Экачакры, — первым замечает Юдхиштхира, — Спрячьте взгляд. Никто не должен увидеть в нас искру кшатрия.

Город встречает криками торговцев, стуком копыт, лязгом засовов и густым, насыщенным запахом жареных лепёшек, от которого сводит пустой желудок. Жизнь происходит...

— Экачакра, город «одного колеса»... — Мать поправляет край сари, скрывая лицо от пыли дорог, — По легенде, именно здесь когда-то стояла колесница, у которой было всего одно колесо — символ устойчивости в неустойчивости.

Люди проходят мимо, не обращая на нас никакого внимания. Взгляд падает на отражение в луже у сточной канавы — измученное лицо, спутанные волосы, грубая корка пепла на скулах... царевич Арджуна явно умер в лаковом доме... Тяжёлая повозка с грохотом несётся по узкой улице, прижимая нас к самой стене; погонщик, не сбавляя хода, грубо толкает Бхиму в плечо палкой, освобождая путь. Бхима покачивается, его огромная ступня скользит по жидкой грязи, но он удерживается на ногах. Рука рефлекторно ищет тетиву... Похоже, что истинное испытание — это не встретить врага лицом к лицу, а не иметь права на этот взгляд... Погонщик... он даже не понял, что прошёл в волоске от смерти... Юдхиштхира делает шаг вглубь узкой улицы, ведущей к кварталу брахманов. Стены домов почти смыкаются над головой; запах жареного масла сменяется сухой пылью старых манускриптов и горьким дымом домашних очагов. Юдхиштхира останавливается перед покосившейся калиткой небольшого домика, сложенного из необожжённого кирпича. Из дома выходит сутулый человек в выцветшей одежде брахмана; его глаза затуманены годами чтения священных текстов.

— Почтенный, — голос брата звучит мягко, — Мы — паломники, пришедшие издалека. С нами наша Мать, чьи ноги устали от лесных троп. Не найдётся ли в твоём доме угла, где мы могли бы преклонить голову, пока совершаем свои обеты?

Брахман всматривается в наши лица, покрытые пеплом; его взгляд задерживается на моих руках, потом на могучих плечах Бхимы, которые едва вписываются в проём калитки.

— Пятеро сыновей и Мать... — тихо произносит он, отступая в сторону, — Мой дом беден, как и мои молитвы, но места хватит для всех, кто ищет приюта под кровом Дхармы. Входите. Здесь вас никто не побеспокоит.

Он открывает дверь, не спрашивая имён. Изнутри обдаёт густым запахом сухих трав и топлёного масла — густой дух брахманического быта.

— Располагайтесь, — брахман обводит сухой рукой комнату, указывая на пустые углы и глиняный кувшин с водой, — Здесь вода. Супруга сейчас принесёт еду. Отдыхайте, пожалуйста, дорога отнимает силы, которые нужны для молитвы.

Мать тяжело опускается на циновку в углу, её плечи наконец расслабляются.

— Благодарим, — Юдхиштхира складывает ладони, пряча взгляд, — Мы — твои гости и твои должники.

— Не говори о долгах, дорогой, — брахман качает головой, и на его лице проступает слабая, почти прозрачная улыбка, — В этом мире мы все — лишь гости, а настоящий Хозяин — Тот, кто даёт нам дыхание.

Юдхиштхира произнёс это так искренне... Изгнанный Царь, чьи великие Предки владели землями от моря до моря, теперь благодарит за угол в хижине, где пахнет пылью и топлёным маслом. Брахман не видит в нас воинов, он видит лишь усталость, скрытую под слоем пепла. Похоже эта тихая гавань и будет нашим пристанищем в Экачакре...

— *Бхавати... бхишам дехи...* Подайте милостыню, госпожа... — слова застревают в горле, как сухой песок.

Ещё недавно моё имя заставляло содрогаться врагов, теперь я должен просить горсть зёрен у женщины, которую не удостоили бы взглядом даже мои слуги в Хастинапуре. Похоже, это и есть та самая «смерть», о которой говорил Дед Вьяса... Женщина останавливается на мгновение; её взгляд равнодушно скользит по моему лицу, задерживаясь на спутанных прядях волос. С небрежным жестом она бросает в мою кокосовую скорлупу мелкую медную монету,

— Иди, найди себе работу.

Нужно оставить остатки этой уличной униженности за дверью... Мать не должна видеть в моих глазах горечь; для неё я — опора, даже если эта опора сейчас попрошайничает на дорогах. Переступаю низкий порог, и бамбуковая плетёнка тихо хлопает за спиной, отсекая шум улицы. Братья уже вернулись. Юдхиштхира сидит у стены, его чаша пуста — он отдал всё Матери. Бхима, прислонившись к косяку, с нескрываемым нетерпением поглядывает на общую ткань, где начинает расти холмик собранного зерна. Но он выглядит ничтожным по сравнению с мощью моих братьев. Кладу на ткань одинокую медную монету — единственное, что мне удалось принести.

— О! На эти деньги можно купить полмешка зерна! — довольный Бхима с улыбкой окидывает взглядом медяк.

— Подожди, дорогой, — Мать отдаёт половину зерна Бхиме, вторую половину делит на остальных нас, а монету даёт Юдхиштхире, — Монета пойдёт хозяину дома.

В этом распределении нет несправедливости — огонь Бхимы должен гореть, иначе наши стены рухнут. А монета станет нашей скромной благодарностью брахману за его приют и доброту.

В хижине быстро смеркается, и лишь дрожащий огонёк светильника разгоняет густеющий полумрак. В дверях появляется силуэт человека... Это странствующий брахман, весь в пыли дальних дорог. Хозяин дома вскакивает с места,

— Наконец-то! — старик делает шаг навстречу, протягивая руки, — Входи, почтенный, располагайся, супруга сейчас принесёт тебе долю нашей скромной еды.

Странник, тяжело опираясь на свой посох, проходит по комнате и садится у огня.

— Всякая пыль дорог оседает вестями... Что принёс ты в наш дом, почтенный? — с уважением спрашивает хозяин, подсаживаясь ближе.

— Пыль дорог и вести неразлучны, — он с облегчением вытягивает гудящие ноги к огню, — Благодарю за приют, добрые люди.

Хозяин придвигает к гостю миску с кашей.

— Хвала твоему дому, — Странник берётся медленно кушать, с достоинством, хотя видно, что голод мучил его не один день.

— Пути мои лежали через великое царство Панчала, — наконец произносит гость, отирая бороду; его голос становится торжественным, — Там сейчас беспокойно, но это благородное беспокойство. Царь Друпата готовит Сваямвару для своей дочери, прекрасной Драупади, вышедшей из самого пламени жертвенного костра!

— Сваямвара, — голос Юдхиштхиры звучит мягко, почти безразлично, — Должно быть, соберутся все Цари Бхарата-варшы...

— Да, со всех краёв, — кивает странник; в его глазах вспыхивает азарт рассказчика, — Но сердце Друпаты полно печали... Говорят, он всю жизнь мечтал отдать дочь величайшему из лучников — Арджуне из рода Куру.

В комнате воцаряется тишина, слышно только треск поленьев в очаге.

— Друпата воздвиг такое испытание, пройти которое под силу лишь величайшему из мастеров. Но Арджуна... Арджуна сгорел в Варанавате.

— Как?.. Арджуна сгорел? — старый брахман замирает, и плошка с маслом в его руках опасно наклоняется, — Неужели это правда?

— К сожалению, да... — подтверждает странник.

Старик тяжело опускается на деревянную скамью, качая седой головой; его лицо, изрезанное морщинами прожитых лет, выражает искреннюю скорбь, какую испытывают при потере близкого родственника,

— Великое горе для Бхараты... Великое горе...

Этот добрый человек оплакивает меня, стоящего всего в двух шагах от него... Хочется коснуться его плеча и сказать: «я здесь, я жив!», но предостерегающий взгляд Юдхиштыры придавливает меня к месту.

— Весь мир скорбит, — негромко продолжает гость, — Но Друпادا... Друпادا — кшатрий до мозга костей. Его горе превратилось в вызов. Он установил в центре зала Сваямвары машину, подобной которой не видели люди. Высоко в небе, на вращающемся шесте, закреплена золотая рыба. А под ней — чаша с чистой водой.

Это испытание создано для того, кто умеет стрелять, глядя лишь на отражение... Кровь начинает пульсировать в кончиках пальцев...

— Стрелок должен смотреть в воду и поразить глаз рыбы, не поднимая головы вверх. Пять стрел. Один шанс. И лук... огромный лук, который никто из смертных не может даже согнуть.

— А кто же допущен к этому испытанию? — не смог не спросить.

— Формально приглашены Властители земель, — он делает паузу, — Но Друпادا в своём отчаянии провозгласил: рука, что поразит цель, и будет рукой зятя. Так что, если есть желание испытать удачу, Сваямвара состоится через три дня в Кампилье.

— Только едва ли там найдётся тот, кому под силу согнуть этот лук, — тихо произносит хозяин, качая головой, — да и какой брахман может мерится силами с кшатриями?

— Дхарма не делает различий перед истинным мастерством, — странник прищуривается, доедая свою кашу, — Будь ты хоть дважды брахман, если в твоих жилах течёт воля, способная укротить этот лук — царевна станет твоей.

— И верно, — хозяин забирает пустую миску, — А ты сыт остался? Добавить ещё каши?

— Брюхо полно, а душа рада, — гость благодарно наклоняет голову и утирает усы краем одежды, — Спасибо за тёплый приём. Где могу омыться?

— Пойдём, я всё покажу.

Пронесются повозки, кричат торговцы... Мысли всё ещё вращаются во вчерашнем дне... Мог бы я поразить глаз рыбы, не поднимая головы, прямо сейчас? Да скорее всего я сделал бы это с закрытыми глазами, просто по звуку её вращения... Только вот смешно это всё... я стою здесь за подаванием, а мыслями уже делю небо над Панчалой своими стрелами... Но морок рассеивается в одну секунду — из толпы, словно лебедь в белых одеждах, выходит Ведавьеса... Рыночная суeta, люди, я — всё тут же теряет свою вовлекающую силу...

— Примите мои поклоны, великий Мудрец.

— Смирение было твоим доспехом... — голос Ведавьясы звучит подобно раскату грома в ясном небе, — Но теперь ступай в Панчалу вместе с Матерью и братьями. Судьба тех земель и ваша судьба сплетены в один узел, который пора развязать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.